

Блеск гордости и благодарности

Козак Илья, студент группы 11102117, АФ

Руководитель ст.препод. Е.Н. Дайняк

Очень тяжело посчитать тех, кто пошел на войну, но слишком легко – тех, кто вернулся оттуда. Тяжелое бремя войны не раз ложилось на плечи белорусов. Не является исключением и моя семья: мои прабабушки и прадедушки сражались за нашу жизнь. Война как решето, а люди в нем – зерно. Насыпаешь зерно в решето и почти все оно проваливается.

Про войну мы узнаем от ветеранов, сражавшихся в далекое от нас время и уносимых течением его же, из кадров кинохроник, по произведениям художественной литературы, о ней напоминают братские могилы и памятники. Но самым трепетным источником всегда является история твоих предков, в чьих лицах мы видим обезличивающую войну, чья отвага будоражит наш разум, чьи истории мы храним как драгоценные реликвии, чьи награды в специальной коробочке сияют блеском, не свойственным ни одному металлу – блеском гордости и благодарности.

Многие из моих предков не вернулись с войны, а их ждали, надеялись на лучшее. Те же, кто смог вернуться, долго не могли говорить об этих событиях, но молчание иногда приводит к забвению. Потерять такое недопустимо. Одними из тех, кто вернулся, были мои прадедушки Козак Николай Кондратьевич и Швед Николай Якимович. В 1941 году им обоим исполнилось всего по 17 лет.

К сожалению, изображение Николая Якимовича Шведа я видел только на черно-белых фотографиях – он умер в 1983 году. Моя бабушка Анна Николаевна часто рассказывала про него. В армию его не брали, а желание сражаться за свою Родину и дом только усиливалось. Так он попал в партизанский отряд имени Доватора.

Война не играет в игры, она каждый час испытывает человека. В один из тяжелых дней войны, возвращаясь с боевого задания, Николай Якимович подхватил немецкую пулю в грудь и, не в силах идти дальше самостоятельно, упал наземь. Он долго лежал около дороги в полном одиночестве, окровавленный, почти уже неживой, с пулей под сердцем. Прошло немало времени, пока его подобрали

и отвезли в партизанский госпиталь. Это было то спасение, когда больного выдирают уже непосредственно из когтей самой смерти, а та неохотно, но поддается. Николай Якимович не был безнадежным, его оставили на долгое лечение с последующей реабилитацией и больше не пустили на поле боя, что ранило его не меньше немецкой пули. Он был действительно плох; через небольшое зеркальце, поднесенное к ране, сквозь тончайшую пленочку он видел бьющееся сердце человека. Он видел его в воплощении мышц и крови, а я вижу в отваге и самопожертвовании, в безмолвном патриотизме. Отвага и патриотизм проявились и в то время, когда Николай Якимович отправился на войну с Японией уже в качестве солдата Красной Армии. Его награды с обеих войн трепетно хранятся моей бабушкой как бесценное сокровище. Мне сложно осознать весь масштаб его порывов, таких чистых, честных и бескорыстных, ведь я, к счастью, не был в военном пекле.

Прадед так и не восстановил полностью свои силы, но смерть, в отличии от войны, хотя бы дала отсрочку. У него начались проблемы со здоровьем и он тихо пришел к своему 1983 году. У него родились две дочки, одна из которых, Анна Николаевна, стала моей бабушкой. Иногда она рассказывает про него, так его подвиги сохраняются и живут во времени, так Победа оживает в лицах. Сведения о нем вписаны в книгу «Навеки юные».

Среди партизан во время фашистской оккупации храбро сражался и мой прадед Николай Кондратьевич Козак. В 1944 году, когда Красная Армия освободила Беларусь, он стал солдатом и продолжил путь на Берлин в качестве старшины роты мотострелков. Расстояние от Бреста до Берлина – 1000 километров. На поезде сегодня – около суток езды. А дорогами войны – годы. И каждый километр – это титанические усилия тысяч людей. Николай дошел до Берлина, дошел, умирая от холода в окопах, от голода в пути. Уже в уличных боях в Берлине он вместе с сослуживцами попали под обстрел немецкого солдата, к счастью, никто не пострадал. Началось преследование, которое привело всех в заброшенный дом. Немец, оставшись с оружием без патронов, заперся в комнате. Николая Кондратьевича, первого ворвавшегося в выбитую дверь, поразил удар немецкого приклада в голову. 9 мая 1945 года он встретил в военном госпитале с разбитым лицом.

Прадед всегда был немногословным, скорее всего, многие истории оставил при себе, лишь изредка вспоминая отрывками то, что хотел бы забыть навсегда. Его оставили в Берлине еще на год. Вернувшись на родину, он вместе с женой Теклей Николаевной в воспитал четверых детей. Его награды хранятся в ящичке на замочке в доме моей прабабушки Текли, она почти никогда их не достает, пряча от недобрых умыслов чистые напоминания об отваге и безграничной любви Николая к ней и своей Родине.

Особая история связана с моим прапрадедом Иосифом Яновичем Шведом, поляком по происхождению. До воссоединения Западной Беларуси с БССР он вместе с женой Доминикой имел довольно богатый хутор и своим собственным трудом поддерживал хозяйство, кормившее всю семью. С приходом Красной Армии Иосиф Янович был объявлен кулаком, что означало конфискацию имущества и ссылку всей семьи. Суд и справедливость редко ходят под руку – он был вынужден самостоятельно отказаться от своего хозяйства, ради которого стирал руки в кровь и зубами вгрызался в твердую землю. Во время немецкой оккупации Иосиф Янович был поставлен старостой деревни. Рискуя жизнью, он наладил связи с партизанами, помогал им в ущерб безопасности собственной семьи. Иосиф Янович был действительно мудрым, он мог бы, мстя советской власти за раскулачивание, не участвовать в борьбе с оккупантами, но он выбрал другой путь, в итоге не был сожжен ни один дом в деревне, фашисты не творили беспредел под белорусской крышей. За это он пользовался большим уважением со стороны односельчан. После окончания войны Иосиф Янович стал председателем местного колхоза.

Я восхищаюсь подвигами всех своих предков. В рядах Красной Армии сражались и мои прадедушки Владимир Владимирович Русакович и Северьян Сергеевич Фуников. Васта Николаевна Русакович прятала в годы оккупации партизан. Я не могу словами передать их истории до конца достоверно, так героически, так честно, как они звучала на самом деле. Отвага и бескорытность этих людей поражает меня до глубины души, их единично дошедшие снимки, воспоминания о них являются бесценными свидетелями невероятного подвига, который, кроме всего прочего, является одной из фундаментальных основ нашего семейного самосознания.